
Д. И. ЩЕРБАКОВ
По горам
КРЫМА, КАВКАЗА
и
СРЕДНЕЙ
АЗИИ

Ш 75.812
Щ 71
4
106831
4168
2/8563

Д. И. Щербаков

ПО ГОРАМ КРЫМА, КАВКАЗА и СРЕДНЕЙ АЗИИ

Путевые очерки

Государственное издательство
географической литературы
МОСКВА · 1954

Издание второе, дополненное и переработанное

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Горы Крыма 5
Первое знакомство с Яйлой 11
На северном склоне 25
По заповеднику на Ай-Петри 39
Посещение вулкана Кара-даг 52
Горы и недра Кавказа 61
К Клухорскому перевалу 71
По Баксану до Эльбруса 84
Через Бечойский перевал в Сванетию 97
В лесах Загедана 111
Через Главный хребет 126
По Сванетии и Абхазии 140
Горы Средней Азии 152
Среди вершин Западного Памира 160
В глубь Западного Тянь-шаня 175
Иссык-куль — горячее озеро 184

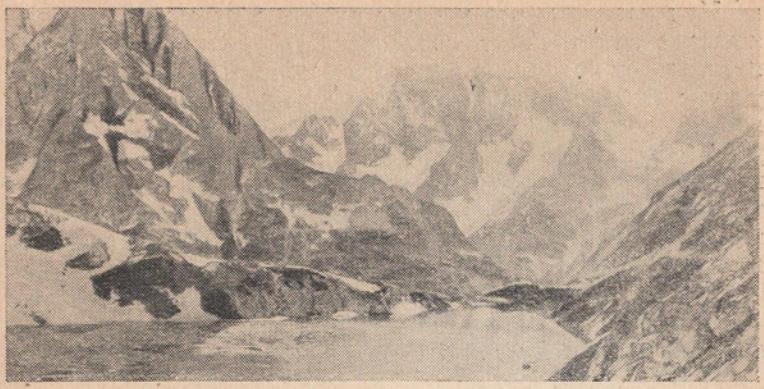
ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ЩЕРБАКОВ

ПО ГОРАМ КРЫМА, КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Редактор *А. Н. Воронцова.*
Художественный редактор *И. Н. Ривина.* Технический редактор *С. М. Кошелева.*
Переплет художника *П. Ф. Некундэ.*
Редактор карт *Г. Н. Мальчевский.*
Корректор *Г. И. Ландратова.*

Т03775. Сдано в производство 29 III-54 г. Подписано к печати 7/VII-54 г. Формат 84×108 1/32. Физических листов 7,25. Печатных листов 10,25+1,64 л. вкл. Учетно-издательских листов 11,31. Тираж 50 000 экз. Цена 3 р. 80 к. Переплет 1 руб.

Географгиз, Б. Калужская, 15.
Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валовая, 28.



К КЛУХОРСКОМУ ПЕРЕВАЛУ

Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать животворящий воздух, разлитой в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины.

М. Ю. Лермонтов

Экскурсии по Южному берегу Крыма и Яйле развили у меня и у моего товарища Коли Кузьменко любовь к природе и любознательность. Захотелось познакомиться и с другими районами, входящими по своим природным особенностям в состав Средиземноморского пояса. Поэтому мы решили отправиться на Кавказ. Мощный Кавказский хребет с его снеговыми перевалами, скалистыми пиками, громадными ледниками, был заманчивой целью. Окончательному решению способствовал просмотр прекрасно иллюстрированной книги «В высокогорных районах Кавказа»; в ней описывалась роскошная природа Центрального Кавказа, аулы горцев, селения сванов с их старинными башнями, верховья бурных рек, горные узлы и перевалы и сообщалось о приключениях, сопровождавших путешествия в эти, тогда еще трудно доступные, районы.

Нам казалось, что мы уже опытные путешественники, которые легко могут справиться со всеми трудностями пути, умеют правильно намечать маршруты и делать интересные наблюдения. Поэтому мы решили не ограничиваться обычными туристскими маршрутами, усиленно рекомендованными в различных путеводителях по Кавказу, а хотели непременно остановиться на каком-нибудь трудном пути, проходящем по совершенно диким, мало хоженным местам. Для того, чтобы легче ориентироваться в географической литературе, купили пятиверстные карты Центрального Кавказа, которые изучали так же тщательно, как и различные статьи, опубликованные в изданиях Кавказского отдела Русского Географического общества.

После долгих совещаний был избран маршрут по Военно-Сухумской дороге, от Сухуми вверх по реке Кодору до Клухорского перевала. Затем намечалось вернуться немного обратно и пойти по тропе, пролегающей в лесных дебрях Верхней Абхазии и идущей по междуречью между Кодором и Ингуром, через перевалы Хида и Утвир, в Сванетию.

Весь этот путь был проложен на карте; причем кружками были отмечены места вероятных ночевок. По расчетам, такое путешествие, с возвращением через Латпарский перевал в город Кутаиси и дальнейшим выездом на Батуми, должно было занять не более месяца и стоить сравнительно дешево.

Наконец наступило каникулярное лето 1912 года. Я и Коля Кузьменко опять на даче в Крыму. После небольшой тренировки, в начале июля, выезжаем на Кавказ. На катере добрались до Ялты, где пересели на один из пароходов Русского общества. Пароход вышел в море ночью; под утро можно было уже любоваться берегами Восточного Крыма. Днем огибали мыс Опук и находящиеся около него в море знаменитые камни-корабли, упоминаемые еще в греческих мифах.

К вечеру пароход бросил якорь на мелководном Керченском рейде, а следующий наступивший день застал нас в Новороссийском порту. За Новороссийском наше внимание привлекли интересные береговые обнажения, сложенные крутопадающими светлосерыми мергелями. Берега были покрыты густым лесом. Чем дальше, тем пышнее и роскошнее становилась растительность Кавказского побережья, все больше и больше показывались горные

цепи, возвышавшиеся кулисами друг из-за друга, и с каждым днем жарче становилось на борту парохода. Лишь на четвертые сутки высадились в г. Сухуми. Горя нетерпением поскорее направиться в глубь страны, решили не задерживаться в Сухуми, а немедленно итти в горы.

На базаре выяснилась возможность проехать первые 30 км на линейке-дилижансе, регулярно совершающей рейсы между Сухуми и селением Цебельдой.

Первая часть пути по приморской Абхазии произвела на нас неизгладимое впечатление пышной растительностью. Внизу, в нескольких километрах от моря, дорога, идущая вдоль речки Мажарки, пересекала смешанный лес, состоящий из граба, дуба, ольхи, перевитых лианами. Среди последних можно было отметить смилакс, дикий виноград, ломонос, обвойник. Подлесок состоял из самшита, лещины, кизила, крушины, грабинника, боярышника. Выше начинался смешанный лес из каштана и дуба с характерным подлеском из понтийского рододендрона, азалии, кавказской черники, лавровишни и остролиста (падуба).

На следующий день выступили пешком в дальнейший путь.

Вблизи селения на вырубленных и расчищенных полянах находились небольшие посевы кукурузы и плантации табака, а за ними у опушки леса начинались сплошные заросли ежевики и папоротника. Ежевика местами образовала непроходимую чащу. Ее длинные плети, усаженные крепкими, загнутыми назад крючками, глубоко вонзались в одежду и тело, раздирая их, а при попытке ухватиться за ветку мелкие шипы оставались в коже в виде неприятных болезненных заноз. Папоротники местами росли отдельными красивыми кустами, превышающими рост человека, местами же составляли сплошную густую заросль.

Обращало на себя внимание отсутствие покрытых травой полян, которые так украшают подмосковные леса. Они заменялись дебрями папоротника и подлеском.

Несколько выше склоны гор поросли каштаном и буком. К ним примешивалась ольха. Под их сенью пышно развивались, образуя густую чащу, вечнозеленые породы. Это были деревца самшита с характерными мелкими листиками и лавровишни с блестящей, словно лакированной, листвой, величиной и формой напоминающие нашу

черемуху. Но подлинными хозяевами подлеска являлись древовидные крупнолистные рододендроны. Один из них— кавказский вид с розово-фиолетовыми, а другой с яркорозовыми цветами. Выделялся также падуб или остролист (илекс) — вечнозеленое колючее растение, одевающееся к зиме в наряд из красных ягод. Привлекало внимание черничное дерево, достигающее человеческого роста и дающее не только съедобную ягоду, но и листья, идущие на добавку к чаю. Изредка встречалась калина.

Путь в лесу преграждали, запутывая кусты и деревья, предательские сети сассапарилли — лианы с сердцевидными глянцевитыми листьями и крупными шипами. Лианы снизу доверху опутывали сплошной сеткой громадные каштаны, свешиваясь с них гирляндами и фестонами. Местами, ближе к водотечи, удушенные плющом деревья, были одеты влажным мхом, свисающим космами, а папоротники росли прямо на стволах, скрывая своими нежными перистыми вайями темную кору отживших деревьев. Свод, образованный кронами буков и каштанов громадной высоты, играл роль купола оранжереи, под защитой которого развивались различные растения, имевшие почти тропический облик. Сквозь нежную зелень букового свода на рододендроновые дебри лился пятнистый солнечный свет.

Особенно эффектны были самшитовые рощицы в глубине сильно затененной балки. Здесь росли сравнительно высокие деревца самшита, достигавшие трех-четырех метров. Они были окутаны мхом, который свешивался с ветвей длинными прядями, придавая рощице какой-то фантастически сказочный характер.

Самшит очень влаголюбив; собирать большое количество влаги помогает ему мох, окутывающий иногда его стволы и увеличивающий их толщину в два-три раза. Мох легко впитывает в себя из воздуха водяные пары; в самшитовой роще царят полумрак и сырость, а земля под деревьями черна от влаги. Из сумрака рощи тянет запахом прели.

На стволах самшита живет до двадцати видов мхов и лишайников.

Самшитовая роща прерывалась полянами, заросшими папоротником, кустами кизила, колючей иглицей с узкими мелкими листьями, узорчатым падубом, лавровишней и каприфолью.

Выше каштан уступал место буку, достигающему здесь исполинских размеров; его серые, точно отлитые из свинца, стволы иногда были не меньше чем в два обхвата. Чтобы поддержать громадный вес своей кроны, они давали от ствола дискообразные отростки, подобные встречающимся на стволах некоторых тропических деревьев.

Пояс буковых лесов — это излюбленное место облаков и тумана. Буковые леса лишены поэзии северных лесов. В них отсутствуют травы и цветы, не слышно пения птиц. Выше бука идет пояс хвойных лесов, состоящих преимущественно из пихты. До него мы, однако, не собирались подниматься, так как с этим поясом предстояло познакомиться под Клухорским перевалом.

Вскоре мы вышли на колесную дорогу. Она выводила к берегам реки Кодор, постепенно забираясь на почти отвесный известняковый обрыв Багатской скалы, а затем спускаясь к реке. Место оказалось исключительно красивым, но и опасным, так как сверху на дорогу часто валились камни и сыпался щебень. Далеко внизу, под горой, широко разлившись, струился быстрый Кодор. Его низменный левый берег был покрыт лугами и кущами деревьев. Местами виднелись отдельные постройки с высокими крышами из пихтовой дранки, стоявшие среди небольших полей.

За Багатской скалой долина сузилась, и дорога вступила в роскошный естественный парк. Уже начинало смеркаться. В воздухе стали вспыхивать многочисленные светящиеся точки. Свет во время полета испускали мелкие жучки из рода луциола, появляющиеся обыкновенно перед дождем. Светились летящие жучки — самцы, а самки сидели на листьях или траве, зажигаясь наподобие мелких фонариков только в положении покоя, привлекая своим светом представителей мужского пола.

Заночевали у гостеприимного дорожного сторожа-абхазца, накормившего нас мамалыгой и свежевыловленной форелью.

Наступивший день обещал быть ясным. Вовсю светило солнце. В глубине долины Кодора показалась первая снеговая вершина горы Хутыя. Быстро собрались и отправились в путь. Останавливались только в особенно красивых местах, там, где сквозь густую растительность внезапно открывалась река и виднелись лесистый противоположный склон или снеговые вершины. Я не мог удержаться от

желания их заснять и часто щелкал фотографическим аппаратом, довольно неразумно расходуя ограниченный запас пластинок.

К полудню небо затянулось облаками, затем пошел мелкий дождь, становившийся все сильнее и сильнее. Дорога размокла, ноги стали вязнуть в глинистом грунте, пришлось сменить брезентовую обувь, в которой мы привыкли ходить по Крыму, на более тяжелые горные ботинки. Плащей с собой мы не взяли, ведь в Крыму ими почти никогда не приходилось пользоваться. Поэтому итти под дождем становилось все более и более неприятно. Но до намеченного места ночевки было еще далеко.

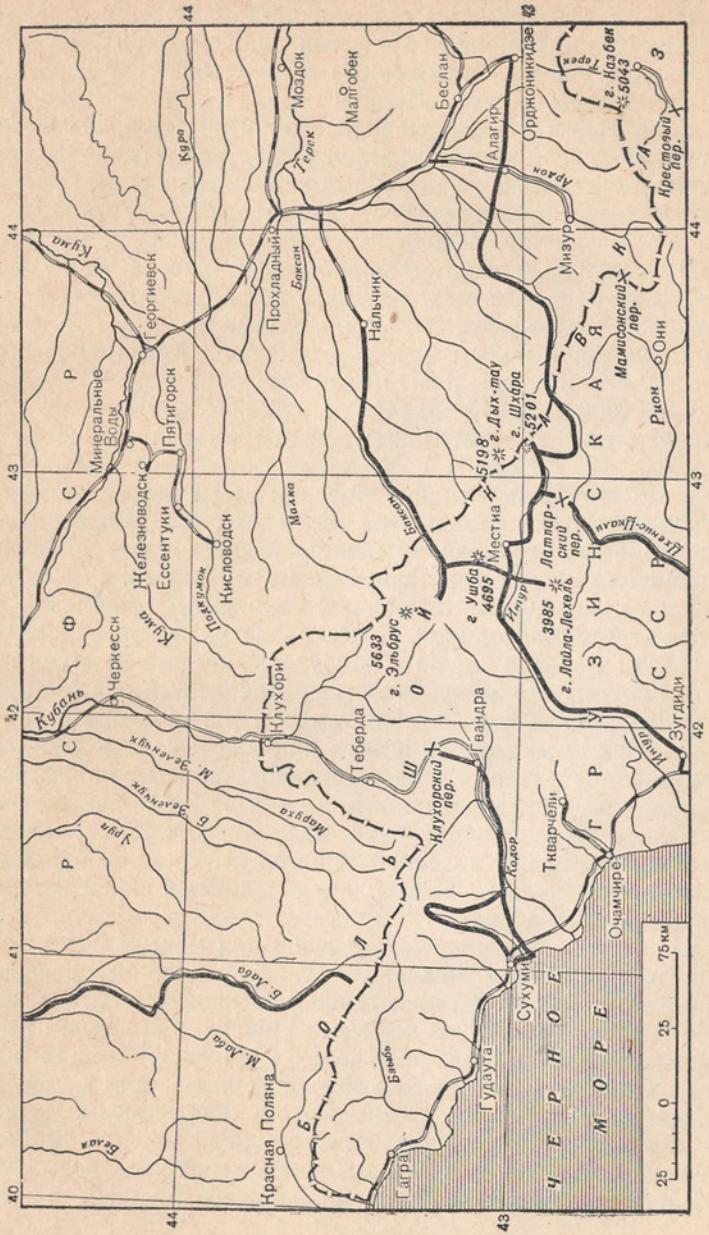
Под вечер временно просветлело, и казалось, что непогода вот-вот стихнет, но вслед за этим внезапно началась настоящая закавказская гроза. Она нас застала на крутом откосе над рекой. Раздались короткие удары грома, небо стали бороздить зигзаги голубоватых молний. Не успели мы пройти по откосу сотню шагов, как сверкнула особенно яркая молния и раздался страшный удар грома. Мы увидели, что часть откоса на значительном протяжении поползла вниз, и вместе с кустами и деревьями в реку повалились громадные камни. Несколькими широкими прыжками удалось выбраться из опасной зоны, но обратный путь был отрезан — дороги, по которой мы только что шли, больше не существовало.

Довольные тем, что счастливо миновали опасное место, мы стали спешить к ночлегу — к хутору Дядина отрада, помеченному на пятиверстной карте. До него оставалось каких-нибудь два-три километра.

Подходя к хутору, мы были поражены звонкими ударами молота по наковальне: казалось, что приближаемся к селению с многочисленными кузницами.

— Наверное впереди какое-то селение, не нанесенное на карту,— сказал Коля.

Звон ударов становился все громче и громче. Мы подошли к небольшому мостику, переброшенному через бурный горный поток, и здесь увидели причину странных звуков: струя воды, отведенная от потока, била в горизонтальное колесо, которое, вращаясь с большой скоростью, приводило в движение молоток, ударявший по железному рельсу. Все это приспособление, как мы потом узнали, было пущено в ход для того, чтобы отпугивать медведей, спускавшихся с гор полакомиться кукурузой.



Маршруты по горам Кавказа.

Тут же за поворотом показался забор. За ним виднелись кукурузное поле, фруктовый сад, огород и два небольших строения, окруженные верандами. На воротах висела надпись: «хутор Дядина отрада».

Владельцем хутора оказался поляк, высланный много лет тому назад царским правительством из пределов Польши как политически неблагонадежный. Он был большой любитель пчеловодства. Для пасеки ему пришлось расчистить поляну, лежащую в глубине усадьбы.

В комнате у него на стене висела распластанная шкура кавказского бурого медведя. Она была устрашающе огромна — больше двух метров — с густым мехом рыжебурого цвета и белым пятном на горле. Когти могучих лап достигали длины в 8—10 сантиметров.

— Какой гигант,— сказал я, глядя с изумлением на шкуру этого замечательного представителя медвежьей породы.

— Я его убил весной,— пояснил хозяин,— когда кругом лежал еще глубокий снег. Если вы пойдете в лес, находящийся за усадьбой, то можете увидеть медведей. Они летом спускаются с гор к фруктовым деревьям и кукурузе. Не далее, как вчера, отправившись в лес за жердями, я встретился с медведицей. Хожу по лесу, приглядываюсь, какое бы деревцо срубить, вдруг слышу что-то трещит. Я понял, что это медведь ломает бук, спрятался и стал наблюдать. В лесу было полутемно. Приглядевшись, увидел на дереве медведицу и двух медвежат, качавшихся на самом конце ветки. Когда медведица почуяла запах человека, она кубарем скатилась на землю и начала ходить на задних лапах вокруг бука, издавая глухое ворчанье. Видимо, она звала медвежат. Они ей ответили мычанием, быстро спрыгнули на землю, и вся медвежья семья тотчас скрылась в зарослях.

Из беседы выяснилось, что любимым местом обитания бурого кавказского медведя служат узкие, заваленные буреломом, балки. В таких трущобах медведи устраивают себе берлоги где-нибудь высоко в ущелье, под корнем вывороченного бука или в пещере, и залегают в них на зиму. Однако в Закавказье зимняя спячка для медведя далеко не обязательна. Очень часто в теплые зимы самцы не ложатся и бодрствуют весь холодный период. Бурый медведь ест почти все: ягоды, грибы, муравьев и их куколки, мед диких пчел, ящериц, лягушек, мышей. Летом

же он не прочь полакомиться початками молодой кукурузы, зернами хлебных злаков и, в особенности, плодами диких фруктовых деревьев. Он ходит по лесу, не торопясь, лениво переставляя ноги, опустив вниз голову. Но в случае опасности или приближения добычи медведь сразу преображается, сонные глаза оживляются, зверь делается ловким и быстрым и двигается с такой осторожностью, что, несмотря на его массивную грузность, под его могучими лапами не хрустнет ни одна веточка.

Мы вышли из хутора сравнительно рано с надеждой на то, что солнце разгонит низко нависавшие облака. Однако вскоре заморосило, а потом пошел равномерный, довольно сильный дождь, и всю долину затянуло водяной пеленой.

С этого момента дождь нас преследовал и днем и ночью. Вода падала с неба непрерывно, струилась по дороге, пересекала путь бурными потоками. Сначала при переходе через ручьи и речки мы снимали обувь, засучивали брюки, но вскоре нам это надоело, так как количество потоков становилось все больше и больше и они делались все глубже и опасней для перехода. Стали перебираться через них, не снимая обуви, иногда по колено в воде, упираясь в дно шестами, которые пришлось заготовить для этой цели.

Но вот долина Кодора уже позади и путь пошел по берегу реки Гвандры. Где-то здесь находилось ответвление тропы, ведущей в Сванетию.

Местность была совершенно дикой: кругом стоял дремучий лес и не было видно ни жилья, ни других следов присутствия человека. Пятиверстная карта, взятая с собой, оказалась явно недостаточной для ориентировки в этих лесных дебрях.

Дорога вступила в грандиозное ущелье. Теперь она стала виться по склону, поднимаясь все выше и выше. Незаметно мы вступили в каньон речки Клыч, бегущей из-под Клухорского перевала. А дождь продолжал лить не переставая.

Как было намечено, решили сначала подняться на перевал, и лишь затем, вернувшись обратно, итти дальше по долине реки Секен в Сванетию. Ландшафт принимал все более суровый и величественный вид, буковый лес уступил место могучим пихтам. Малохоженая тропа поросла травой и громадными папоротниками, а с крутых

склонов над ней свешивались ветки лавровишни и падуба; казалось, что идем по запущенному парку.

— Ну-ка, взгляни на анероид,— обратился я к товарищу,— нужно узнать, на какой мы высоте.

Коля открыл кожаную покрышку футляра барометра и постучал по стеклу.

— Тысяча восемьсот метров,— объявил он,— это примерно граница букового и пихтового леса.

Впереди виднелся первый снеговой завал, совершенно закрывавший дно ущелья. Из-под него с бешеным ревом вырывался поток Клыча. С трепетом, осторожно вступили на грязный снег, засыпанный обломками веток. Где-то под ногами глухо ревела река. Страшила возможность провалиться в бурный поток, но естественный снеговой мост оказался довольно прочным, и мы благополучно перешли на другой берег.

Уже стемнело, когда дошли до полуразвалившегося сарая и спрятались в него от дождя.

Недолго мы оставались в одиночестве. Вскоре подошла группа сванов косарей, направлявшихся через перевал в поисках заработка. Они помогли нам развести большой костер и всю ночь поддерживали огонь, распевая песни.

На следующий день началась самая трудная часть подъема. Тропа стала взбираться большими зигзагами по крутым склонам глубокой, узкой долины. Изредка в Клыч впадали пенящиеся горные речки, прихотливо извивавшиеся среди дремучего пихтового леса, а в просветах боковых долин виднелись альпийские луга и снеговые языки, лежащие на вершинах хребтов.

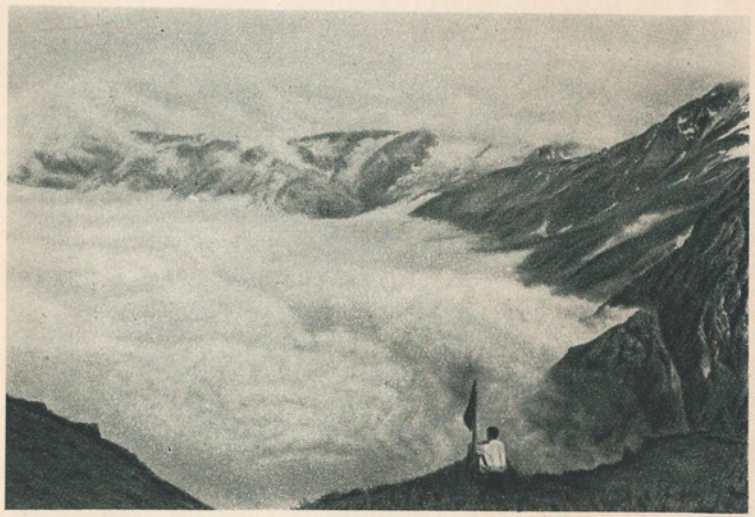
Вот уже достигнута высота в 2 000 метров. Полотно дороги врезалось в тело гранита. В нем поблескивали крупные листочки светлой слюды и виднелись прямоугольные вкрапления полевого шпата.

Прошел час, анероид показал отметку в 2 300 м, до перевала оставалось не более 500 м подъема по вертикали. На это потребуется, вероятно, не меньше двух часов ходьбы. Сознание близости конечной цели подбадривает, и мы уверенно шагаем в гору. Уже пройдена граница леса, и в изобилии появились кустарники рододендрона. Характер долины начинает резко изменяться: из узкой крутопадающей, с профилем, похожим на римскую пятерку, она внезапно превращается в корытообразную, отличающуюся большой шириной и более спокойным укло-

Багатская скала над рекой Кондор.

Вид с Клухорского перевала на юг.

Озеро Туманлы-гель.



Туман над верховьем Баксанской долины.

ном. Это типичный «трог» или бывшее ложе ледника, отшлифованное сползавшими льдами. На дне долины лежали крупные валуны, а местами она преграждалась валами каменных обломков — конечными моренами. В глубине долины показываются снеговые вершины с висячими массами снега и льда. Виден язык ледника, впадающего в нее сбоку. Это — первые ледники, которые мы вообще видели в своей жизни, поэтому понятен проявленный к ним интерес.

— Смотри,— сказал я Коле,— ведь это настоящий долинный ледник, а выше над ним — висячие ледники.

Мы остановились, сбросили рюкзаки и стали рассматривать открывавшуюся перед нами картину в бинокль.

Погода была пасмурная, облака спустились низко, закрывая вершины около перевала, но в южном направлении открывалась другая картина. Ущелье уходило в синеву леса; его сжимали выступавшие один за другим отроги гор, сливаясь вдали в один общий, темносиний фон. Хребты были свободны от облаков; на них блестели вечные снега.

Пройдя еще около километра, опять остановились. В этом месте едва заметная тропа отходила вправо, удаляясь в гору по типичной, корытообразной, но более узкой долине. Это было ответвление на перевал Нахар. Мы его пропустили и пошли вперед. Долина довольно круто заворачивала к северу, а дорога теперь шла в отвесной гранитной стене, метрах в стапятидесяти над дном. Оглянувшись, мы увидели сплошную гранитную стену с рядом зубчатых пиков и висячих ледников между ними; по склону этой стены хорошо прочерчивались зигзаги только что пройденной тропы.

Перевал был уже близок, оставалось пройти около одного километра. Однако последнее усилие досталось не даром. С обрыва над тропой все чаще и чаще падали струи воды — результат сильных ливней, а перед самым перевалом дорогу преграждал настоящий водопад, изливавшийся прямо на полотно; обойти его не было никакой возможности. Постояли в недоумении, но отказаться от посещения перевала из-за этого препятствия казалось очень обидным. Решили форсировать струи водопада, пытаясь быстро проскочить сквозь нее с налета. Тропа позволяла взять разгон, и мы с разбегу по очереди врезались в водопад. На мгновенье сила падающей воды прижимала к

земле, но в следующий миг оба, мокрые до последней нитки, уже находились по другую сторону водопада.

За водопадом сразу почувствовалось дуновение сильного холодного ветра со стороны перевала. Одежда стала превращаться в оледенелый негнущийся панцырь. Дрожа от холода, продолжали подниматься на седловину и, наконец, около 11 часов достигли высшей точки. К нашей радости, туман стал расходиться и выглянуло солнце.

В северном направлении у наших ног расстилалось овальное озеро, частью покрытое льдами, имевшее замечательный бирюзовый цвет. Вокруг озера — грандиозные гранитные стены. В особенности эффектной была гора Чотча, правильной пирамидальной формы. К югу же открывался вид на троговую часть долины, из ледников которой брала начало река Клыч, и на Нахарский зубчатый массив.

Седловина перевала (2 816 м) была свободна от снега. На ней росла невысокая трава и масса альпийских цветов. Как очарованные, стояли мы на перевале, не обращая внимания на сковывавший холод, и смотрели то на север, то на юг. Необычным и суровым был ландшафт гребневой части Главного хребта. Кругом безжизненные гранитные скалы, снега и льды! Снеговые массы заполняли неровности рельефа, обрываясь ледопадами или образуя ледяные потоки, окруженные в нижних их частях венцами каменных обломков.

Бирюзовый цвет озера приятно гармонировал с темно-серой окраской скал, с серебристыми снегами и темно-синим небом.

Совершенно окоченевшими руками я навел аппарат и снял перевальное озеро с пиком Чотча на заднем плане, а затем, повернув фотокамеру в другую сторону,— верховья долины Клыч, со снеговыми пиками у Нахарского перевала в глубине панорамы.

Пронизывающе дул холодный ветер, мы начинали замерзать и, как бы по безмолвному соглашению, помахав на прощанье кепками, быстро побежали обратно.

— Ну, теперь скорее назад, к морю,— сказал Коля и озабоченно добавил,— вот только выдержит ли обувь; для починки-то мы ничего не взяли.

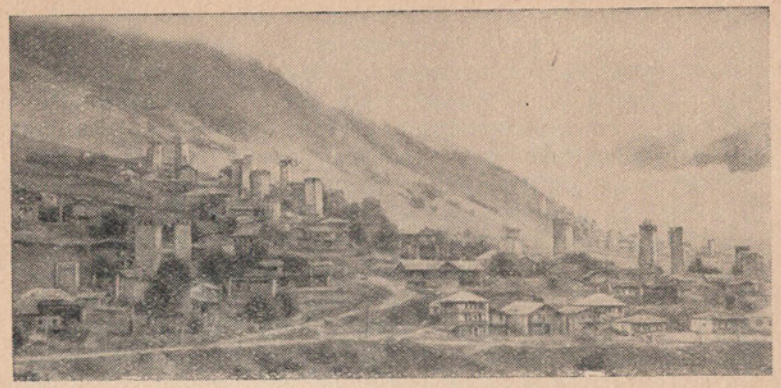
— Ты прав,— согласился я,— с нашей неопытностью, при отсутствии хороших карт и надежной обуви нечего и

думать о походе по лесным массивам Верхней Абхазии и Сванетии. Надо немедленно возвращаться обратно.

До моря добрались за четыре дня.

Обратный путь в Крым был совершен на пароходе. Дома убедились, что часть наших сборов погибла, вследствие плохой упаковки, в том числе пострадали фотографические пластинки, подмоченные дождем. Из целой большой серии снимков удались только некоторые.

Неудачный поход на Кавказ показал, что мы не были подготовлены к серьезным путешествиям, требовавшим точного учета всей обстановки, большого опыта и основательных знаний.



ПО СВАНЕТИИ И АБХАЗИИ

Был тот особенный вечер, какой бывает только на Кавказе. Солнце зашло за горы, но было еще светло. Заря охватила треть неба, и на свете зари резко отделялись бело-матовые громады гор. Воздух был редок, неподвижен и звучен.

Л. Н. Толстой

Знакомство с южным склоном мы начали с изучения верховий долины Риона. Здесь же расстались с нашими попутчиками.

Основательно поработав в этом районе, мы втроем вновь вернулись в верховье Цхенис-Цкали, прошли небольшой отрезок пути вдоль реки и свернули на дорогу, идущую к рудничному поселку Цена, расположенному у самого подножья Главного хребта. Отсюда мы намеревались перевалить в Сванетию, с тем, чтобы спуститься к морю по долине реки Ингур и затем доехать до Сухуми. Этот маршрут пролегал по исключительно красивым и живописным местам. Вместе с тем он быстрее всего приводил в Приморскую часть Абхазии, куда нас приглашали товарищи Котэ для осмотра разведочных работ на Келасурском гранитном массиве.

От Цены в Сванетию вел легко доступный перевал Загар, а в поселке жили знакомые геологи, у которых мы остановились и переночевали.

Ночь оказалась холодной и ясной. Утром в ущелье клубился туман, медленно поднимаясь кверху. Натянув на себя сырую одежду и дрожа от холода, мы выступили в путь. Хорошо разделанная тропа, ведущая на перевал Загар, начиналась тут же у селения. Сначала она шла частыми зигзагами по крутому склону. Примерно на высоте около 500 м над долиной ландшафт внезапно совершенно переменился. Мы вышли на пологий сильно заболоченный уступ, покрытый лугами сочной травы и рощицами березок. Казалось, что мы находимся где-то в средней полосе России, а не на боковом отроге Главного хребта.

Затем подъем пошел по дну и склонам балки. Наконец, мы выбрались на плоский перевал, опять напоминавший нам знакомые ландшафты Подмосковья. Но, обернувшись, мы были поражены величественным видом скалистой пирамиды горы Цурунгал, освещенной ярким утренним солнцем.

Отдохнув, начали спускаться в верховье реки Ингур. Часа через два подошли к селению Ушкул, одному из самых красивых в Верхней Сванетии. Оно состоит из групп средневековых башен и каменных строений, прихотливо раскинувшихся на отдельных возвышенностях и склонах долины. Боковое ущелье с башнями, разбросанными по склонам, открывало вид на всю покрытую снегом красавицу Шхару — крупнейший горный массив Главного хребта.

За ним тропа опять пошла по диким местам, поросшим мелким лесом. Ингур ушел куда-то глубоко вниз. Еще через два часа показались группы башен общины Каль, лежащие у начала пути на Латпарский перевал, ведущий из Сванетии на юг. У селения Каль мы вышли на недавно проложенное шоссе, соединявшее Каль с нижележащим селением Ипари. Немного отдохнув, опять выступили в путь. Теперь мы шли по довольно узкой долине, на левом склоне которой рос елово-пихтовый лес. Еще через два часа с одного из поворотов дороги внезапно показался чудовищный рог горы Ушбы.

Ясный вечер и четко обозначавшиеся вдали на фоне синего неба контуры гор предвещали хорошую ночь.

Утомленные переходом через перевал и длинным спуском, мы шли вяло.

— Следовало бы здесь остановиться,— сказал Котэ,— иначе мы рискуем пропустить в темноте самые интересные в геологическом отношении места.

Все невольно посмотрели на уютную зеленую поляну, окаймленную кустами, находившуюся в стороне от дороги; потянуло заночевать на вольном воздухе.

Взобравшись на откос и отойдя на сотню метров в сторону, сбросили свои тяжелые рюкзаки и стали располагаться на ночлег. Быстро развернув свои спальные мешки и одеяла и положив рюкзаки под головы, улеглись спать. Был тихий, теплый вечер. Мои спутники довольно легкомысленно разбросали вещи, находившиеся в рюкзаках, вокруг своих лож, я же по привычке тщательно все собрал вместе и уложил так, чтобы в любой момент быть готовым к походу. Вместе с тем я оглядел расположение местности и заметил, что невдалеке среди кустов выделяется куща деревьев с густой листвой.

Заснули, повидимому, все очень быстро. Через некоторое время я проснулся, чувствуя как на лицо падают капли дождя, приподнялся на локтях и стал оглядываться, пытаясь сообразить, где нахожусь. Но было совершенно темно, на небе ни одной звезды, да и вообще кругом ничего не различить. Сначала мне казалось, что это сон — до того не вязалась обстановка пробуждения с тихим вечером, при котором мы засыпали, но вновь упавшие крупные капли дождя с несомненностью указывали на резкое изменение состояния атмосферы. Падение капель участилось, и вскоре начался настоящий дождь, заставивший меня вскочить, быстро одеться, забрать рюкзак и спасаться под кроны деревьев.

— Гоги! Котэ! — кричал я, убегая,— просыпайтесь скорее, начинается ливень!

Мои спутники бормотали что-то несвязное, шевелясь в своих спальных мешках. Дождь стал настолько сильный, что он пробивал густую листву деревьев, дававших мне лишь относительное прикрытие. Оставив в наиболее защищенном месте свои вещи, я решился итти посмотреть на своих спутников. Оказалось, что каждый из них применился к дождю сообразно особенностям своего характера. Гоги разделся догола и завернул наспех собранные вещи в спальный мешок, рассчитывая на то, что он не пропустит

воду и сохранит в сухости его одежду. Котэ, наоборот, остался лежать, натянув себе на голову одеяло. Я опять побежал под защиту деревьев, но надежда на то, что так внезапно начавшийся ливень окончится скоро, не оправдалась. Он продолжал итти с нарастающей силой в течение часа. Это заставило меня вновь пойти проведать моих товарищей. На этот раз я застал уже более печальную картину. Совершенно голый Гоги сидел на корточках, плотно прижав локти к телу и охватив голову руками. Он дрожал от холода и громко стучал зубами. Котэ продолжал лежать под одеялом, а его ложе представляло собой бесформенную насквозь промокшую массу.

К двум часам ночи дождь перестал. Среди быстро несущихся облаков показался лунный свет. Место ночлега представляло собой печальную картину. Разбросанные вещи промокли насквозь, погибли запасы бумаги и продовольствия, во-время не убранные в мешки, а спальные и носильные вещи были совершенно мокрыми. Оставаться здесь дальше — значило рисковать простудиться. Мы быстро собрали вещи и спустились на дорогу, где на каменном парапете одного из поворотов начали приводить в порядок свое имущество. Когда, наконец, закончили укладку вещей и надели рюкзаки на плечи, то почувствовали, насколько тяжелей стали наши вьюки.

При свете луны прошли первые строения селения Ипари, свернули в гору и стали подниматься к перевалу Угыр. Уже начинало светать, когда мы перевалили через гряду, отделявшую долину Ингура от долины ее притока Долры, на берегу которой раскинулся г. Местия. Однако потребовалось не менее полутора часов хорошего хода, пока мы не вошли в него.

Город поражал своим совершенно необычным видом. Многочисленные старые сванские башни, расположенные амфитеатром, чередовались с новыми двухэтажными домами. В центре города находилась громадная площадь, от которой параллельно реке шла главная улица. Вдали синели мощные горные отроги, венчавшиеся замечательной трехгранной вершиной Тетнульда. Можно смело сказать, что г. Местия — один из красивейших уголков Центрального Кавказа!

Пока мы совершали небольшую экскурсию по главной улице городка, из гаража выехала автомашина. Она пересекла площадь и остановилась в тени одного из домов.

Немедленно откуда-то появились многочисленные пассажиры, ринувшиеся на машину, перебрасывая через борта свои пожитки. Через какую-нибудь минуту она была вся заполнена людьми и вещами. С трудом мы втиснулись в тесные ряды пассажиров, положив свои рюкзаки на колени. Выглянув из машины и убедившись, что вместить больше никого нельзя, шофер дал гудок, означавший отправление, и одновременно включил мотор. Раздались громкие выхлопы, машина задрожала и через мгновение окуталась густым едким дымом. Оказывается, наш водитель израсходовал положенный ему запас бензина и ехал теперь на смеси с керосином. Мотор заработал с перебоями, машина дрогнула еще два-три раза и, наконец, внезапно сорвавшись, понеслась быстро вперед. Однако ее бег был беспокойным. То и дело она теряла скорость, мотор оглушительно хлопал, а густой дым окутывал всех пассажиров, особенно тогда, когда машина с разбега брала лощины и начинала взбираться на подъем. Нередко при этом она висела бортом над крутым склоном Ингура.

Но машина, управляемая опытным и смелым шофером, двигалась вперед, удачно проходя опасные места.

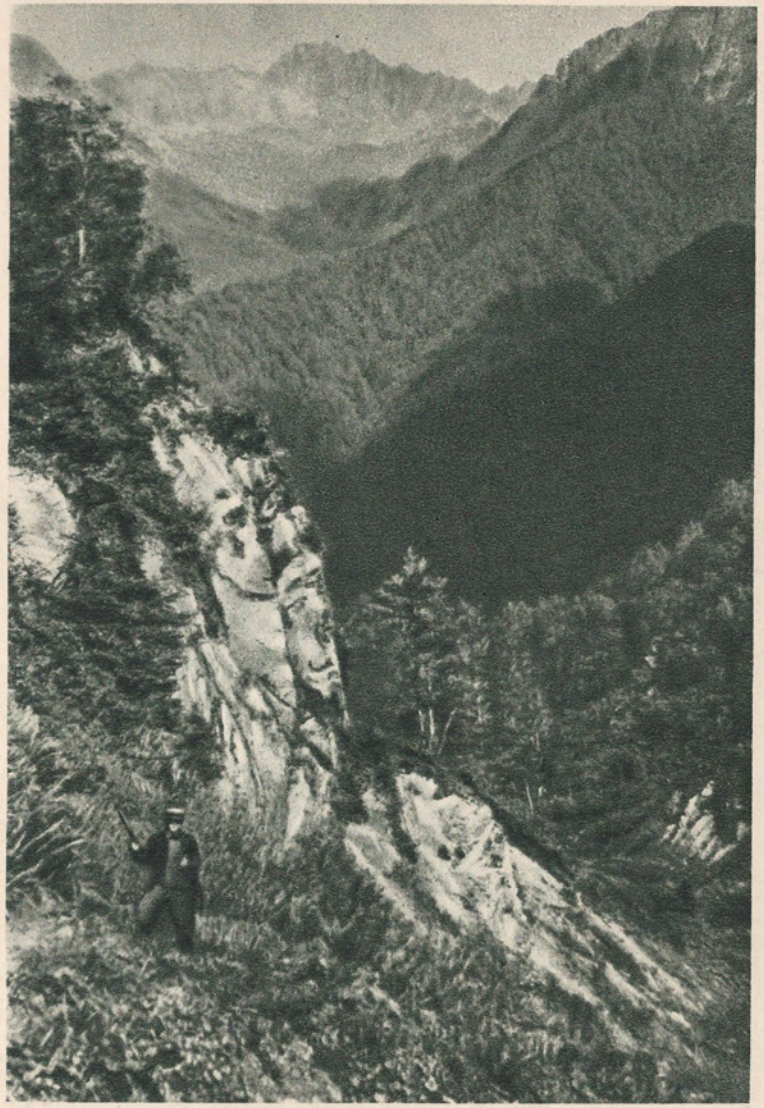
Справа и слева мелькали небольшие селеньица, раскинувшиеся по склонам долины; то там, то сям поднимались старинные сванские башни. Вот мы проехали гору Лайлу — главную вершину Сванетского хребта, синевшую в дымке на противоположном склоне долины. Затем переехали мост через Долру, за ним с одного из поворотов дороги показалась двуглавая вершина красавицы Ушбы, чудовищные гранитные пики которой дерзко вонзались в яркую синеву неба.

На противоположной стороне Ингура, у подножья гор, иногда виднелись палатки геологических партий, изучавших строение Сванетского хребта. Им было поручено проверить сообщения древних авторов, утверждавших, что горы Сванетии и прилегающей к ней части Колхиды содержат коренное и россыпное золото.

Вскоре оставили позади зеленые склоны долины и въехали в теснину, прорезанную бешено клокочущим Ингуром. Начиная отсюда, на десятки километров вниз извилистый путь шел все время в скалистом каньоне. Кругом на склонах гор — сплошной лес. Так продолжалось до селения Хаиши, где, наконец, наш шофер решил

Верховья реки Ингур в Сванетии.

Гранитный массив Келасури.



Склоны горы Келасури, изрезанные ущельями.

сделать остановку. Он нам сказал, что надеется достать бензин, так как дальше дорога будет значительно хуже и ехать на смеси опасно.

Мы сошли и направились подкрепить свои силы в столовую леспромхоза; машина уехала куда-то круто в гору в боковое ущелье, откуда она должна была привезти горючее.

Спустя два часа машина оказалась заправленной бензином, и мы поехали дальше уже при свете фар. Около полуночи въехали в Зугдиди и остановились у вокзала. На рассвете мы сели в проходящий поезд, а утром слезли в Келасури. Здесь должна была находиться шлиховая лаборатория Келасурской геологоразведочной партии.

Лаборатория оказалась вблизи вокзала. Она занимала верхний этаж небольшого колхозного домика, находившегося в центре мандаринной плантации.

Во второй половине дня Гоги повел нас смотреть развалины великой абхазской стены, проходившей когда-то по берегу речки Келасури и огораживающей значительную часть побережья около Сухуми. Ее основание относится к эпохе Юстиниана (VI век н. э.).

Стена состояла из однотипных башен, соединенных стенами, и отдельных опорных пунктов — замков. Там, где сейчас сохранились башни, например между селением Багмарань и Александровским, в Ново-Черниговке, у Ольгинского ущелья, в Герзеуле, Челоу видно, что они располагались на определенном расстоянии друг от друга, а именно около 100 м с таким расчетом, чтобы пространство между башнями могло простреливаться из луков. Общее протяжение стены около 150 километров.

Не менее интересными окрестности Сухуми были и для геолога. На побережье отчетливо были видны следы древних морских террас, говорящих о вертикальных колебаниях Западного Кавказа в четвертичное время. В известняковых массивах района находились карстовые пещеры и подземные потоки.

А на следующее утро мы опять выступили в горы.

Мы знали, что начальник партии живет в Верхнем Келасури, до которого обыкновенно едут сначала на автомобиле по Военно-Сухумской дороге, а потом на бричке или верхом. Однако было известно, что существует краткий путь, позволяющий дойти до Верхнего Келасури прямо из Сухуми, двигаясь вдоль речки Келасури. Нам,

конечно, захотелось пройти кратчайшим путем, чтобы ближе познакомиться с роскошной природой Колхиды, в значительной мере реликтом третичной эпохи, наложившей свой отпечаток на ее флору.

Познакомившись с дебрями Колхиды, мы поняли, что несомненно прогадали, рассчитывая быстро дойти до базы геологической партии: тропа вдоль правого берега реки Келасури была действительно кратчайшим расстоянием до греческого селения Верхнее Келасури, но только мы не учли, что это была не дорога, а тропа, постоянно терявшаяся в густых зарослях, нередко взбегавшая высоко на склон и спускавшаяся вниз к самому урезу воды.

Однако возвращаться назад и менять свое первоначальное намерение не хотелось, поэтому мы упорно шли вперед, обливаясь потом, задыхаясь от жары и изнывая под тяжестью нашей поклажи. Мы не смогли бы дойти до селения, если бы случайно на одном из привалов нас не нагнал житель селения Келасури, оказавшийся попутчиком, ибо тропа то и дело пропадала в густой траве.

Особенно красив был путь по прорезывающему мощный известковый отрог ущелью Келасури, куда едва проникал солнечный луч. Прозрачные воды Келасури то тихо струились меж камней, то с рокотом низвергались с уступов. Там, где ущелье делалось немного пошире, среди мощных стволов одиноко стоявших грабов, густо росли вечнозеленые растения.

Но вот тропа опять внезапно повернула круто в гору и подняла нас на сотни метров над рекой. Лес стал более редким, постепенно пропали вечнозеленые кусты, и вскоре весь склон покрылся гладкоствольными буками. Еще один спуск... мы прошли дикое известняковое ущелье и оказались у подножья раскинувшегося по склону горы селения Келасури. Через реку вел совершенно ветхий деревянный мост, весь покосившийся, обросший лишайниками и дрожавший при малейшем прикосновении.

Уже вечерело. С трудом, напрягая последние силы, мы медленно поднимались по селению вверх, расспрашивая, где стоят инженеры. Наконец, мы добрались до небольшого деревянного домика, в котором помещалась база Келасурской партии. Нам навстречу вышел начальник партии, высокий, крепкий грузин Васо Табагари.

За стаканом чая он рассказал, что до места работы партии надо было итти пешком целый день.

— Путь настолько труден, что каждую вьючную лошадь сопровождают два проводника. Местами приходится снимать груз с лошади и нести на себе.

Потом он осветил работу партии.

— Наш район особенно интересен тем, что в нем находятся гранитные купола заведомо юрского возраста. Гранит Келасурского массива прорывает нижнеюрские сланцы, но на массив налегают нижнемеловые осадочные породы, не несущие никаких следов воздействия горячей магмы; к тому же они включают валуны и гальку Келасурского гранита. В верхней части гранитов наша партия обнаружила жилы, содержащие рудные минералы.

В подтверждение своих слов Васо с увлечением продемонстрировал нам геологическую карту района, разрезы и образцы руд.

Выступили чуть свет. Впереди, показывая путь, шел Васо. Шествие замыкали две вьючные лошади, сопровождаемые четырьмя проводниками. Тропа все время шла в гору. Кругом росли высокоствольные буки. Через некоторое время мы вступили в полосу известняков. Пласты известняка были словно обсосанными и изъеденными. Местами торчали их острые гребни, виднелись трубчатые ходы и воронкообразные провалы,— типичный карстовый ландшафт, образовавшийся в результате растворяющей деятельности воды. Выше стали попадаться твердые, режущие обувь черные кремнистые сланцы, а еще выше — обломки гранита. После шести часов подъема тропа привела нас на гребень горы.

Но настоящие трудности пути были еще впереди. Когда, наконец, миновали голую гранитную вершину, открылась грандиозная панорама. Впереди виднелись многочисленные крутые, покрытые густым лесом хребты, казалось, без всякого порядка отходившие от водораздельной возвышенности. За ними темнели уступы более крупных вершин, верхние части которых носили типичные формы ледникового ландшафта и были, повидимому, покрыты альпийскими лугами, а еще дальше на фоне темносинего неба высились беспорядочной цепью снежные зубцы и вершины.

Путь пролегал по гранитной дресве острого гребешка бокового отрога, впереди же лежало глубокое ущелье, куда сбегала тропа, а еще дальше, примерно на таком же

уровне, находился новый отрог, по гребню которого продолжалась наша дорога.

Видя наше недоумение, к нам подошел Васо.

— Товарищи, не пугайтесь. Для того, чтобы попасть на тот отрезок тропы, сначала придется спуститься на 500 м вниз. Дорога тяжелая, в особенности для вьючных лошадей. Будем им помогать, может быть даже придется развьючивать и нести самим их ношу.

С большим трудом преодолели это препятствие, отнявшее по крайней мере два часа.

После двух или трех таких ныряний в глубокие седловины, наконец, дошли до поляны, на которой стояли деревянный балаган и несколько палаток. Это и был лагерь Келасурской партии. На ночь мы разместились в палатках.

Следующий день принес еще более сильные ощущения. Васо подвел нас к чрезвычайно крутому склону, густо покрытому лавровишней, молодыми буками и какими-то древовидными кустарниками. Их стволы росли почти перпендикулярно склону. Он предложил показать нам интересную жилу.

Цепляясь за ветки, Васо стал первым спускаться на руках, почти не касаясь ногами земли. Нам пришлось поступить таким же образом, невольно вспоминая предков-обезьян.

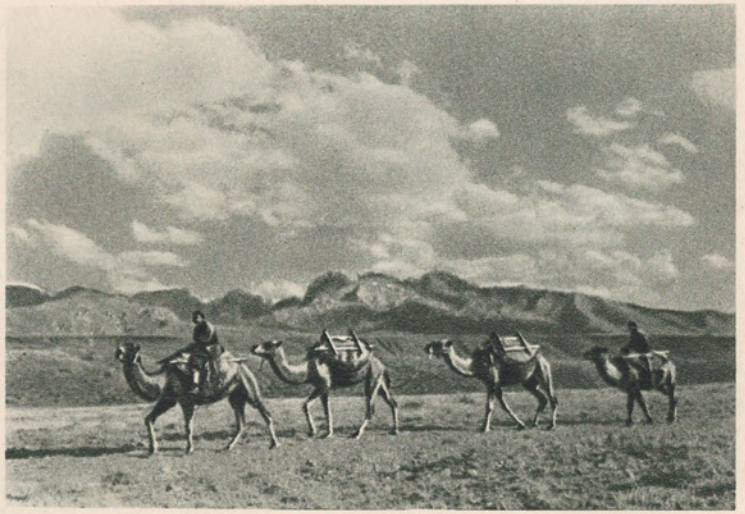
Усталые и исцарапанные, мы, наконец, почувствовали твердую почву под ногами. Крутой склон перешел в выступ, рассеченный протяженной кварцевой жилой, содержащей гнезда тесно сросшихся рудных минералов.

Изучив условия залегания жилы и набрав образцов, мы пошли обратно в лагерь. Подъем совершался медленно с многочисленными передышками. Когда мы вышли на гребень, ноги и руки дрожали.

— Теперь вы имеете ясное представление о том, как трудно работать геологам в дебрях Абхазии,— сказал Васо,— учтите еще постоянные дожди и нередкий снег.

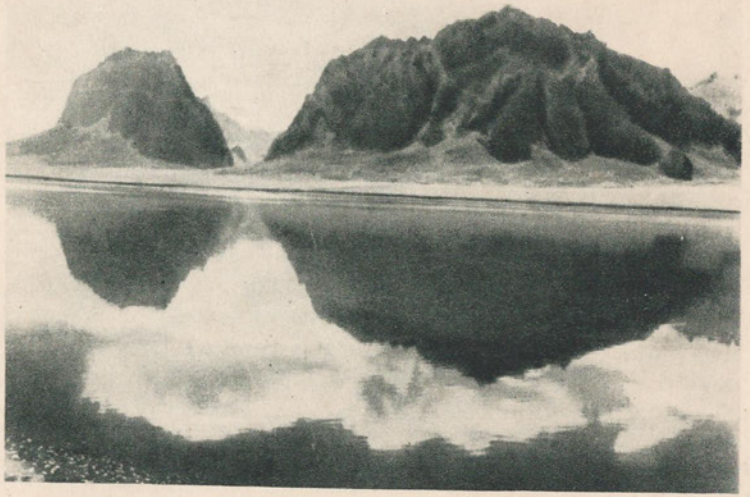
Как бы подтверждая его слова, небо стало хмуриться, окрестности затянуло облаками и вскоре пошел сильный дождь. Почти не переставая, он шел до самого вечера. К ночи дождь сменился снегом. Наутро палатки и полянка оказались покрытыми глубоким снегом, совершенно отрезавшим партии пути сообщения с внешним миром. Мы оказались вынужденными сидеть в лагере и ждать отте-

Мальвы в долине реки Чаткал.



Чаткальская долина. Тянь-шань.

Гиссарский хребет в районе озера Искандер-куль



Озеро Ранг-куль на Памире

пели. Вскоре у партии иссякли продукты питания, а снег все еще не таял. Днем разговаривали, читали, курили и пили чай.

Такое положение длилось двое суток. На третий день подул теплый морской ветер. Началось бурное таяние снега. После полудня мы смогли выступить в обратный путь. Пройдя примерно половину дороги, мы встретили несколько вьючных лошадей с проводниками. Они спешили доставить в лагерь продукты питания. Мы перехватили нашу долю и, заметно повеселев после плотного завтрака, поспешили спуститься в Верхнее Келасури. Обратно к морю на этот раз мы поехали из селения Цебельда по кружной дороге. В Сухуми мы сели на самолет и вылетели в Тбилиси.

Во время наших странствований по Центральному Кавказу мы имели возможность убедиться в том, что образование разнообразных рудных месторождений Центрального Кавказа происходило неоднократно в разные геологические эпохи. Это находит себе объяснение в сложном геологическом прошлом Кавказа. За огромный период времени своего формирования Центральный Кавказ неоднократно переживал периоды, нарушавшие спокойное отложение осадков в глубоководном море, покрывавшем его территорию. Область Кавказской геосинклинали, или вытянутый с северо-запада на юго-восток участок земной коры, прогибавшийся под тяжестью заполнивших его осадков, неоднократно испытывал вертикальные колебания, сопровождавшиеся изгибанием пластов, их разрывами и вулканической деятельностью. Горообразовательные процессы, вулканизм и отложения руд всегда тесно связаны между собой. Поэтому заранее можно сказать, что каждая значительная горообразовательная эпоха является вместе с тем и самостоятельной эпохой отложения руд или металлогенической эпохой.

Древняя металлогения Кавказа изучена сравнительно мало, большинство рудопроявлений того отдаленного времени связывается с так называемыми древними кавказскими гранитами. Они принесли с собой ряд редких металлов, а также немного золота, меди, железа. Но интенсивное последующее размывание и выветривание уничтожило главную массу руд того времени.

Большое значение имеет средняя, или мезозойская, металлогеническая эпоха. К ней с той или иной степенью

достоверности геологи относят большинство месторождений цинка и свинца Северного Кавказа и отчасти Закавказья.

Наибольшее же количество рудопроявлений Большого Кавказа и Закавказья относится к третичной эпохе с характерными для нее мышьяком, ртутью, сурьмой, медью, золотом и редкими металлами.

Но если намечаются закономерности в отложении тех или иных металлов во времени, то еще более ясны закономерности их распределения в пространстве. Месторождения полезных ископаемых группируются на данной территории не случайно, а в строго определенном порядке, повинуясь особенностям геологического строения (тектонике) этой территории. Месторождения Кавказа располагаются в виде рудных поясов или зон, почти параллельных Главному хребту по обе стороны от него, а также захватывая на некотором протяжении его осевую часть. Одна из наиболее важных в промышленном отношении зон с цинково-свинцовой рудой охватывает северный склон Главного хребта, образуя Северо-кавказский рудный пояс или зону. С несомненностью доказан более молодой рудный пояс Главного хребта. К нему приурочены крупные третичные вулканические очаги Казбека, Тепли, Сангутидона, Таймази, Цурунгала и сопровождающие их многочисленные жилы с очень разнообразными рудами. Кроме того, в его пределах на южной окраине известен ряд рудных месторождений, которые вытягиваются линейно, следуя при этом за зоной разлома, отделяющей эту зону от еще более южной Абхазо-сванорачинской полиметаллической зоны.

Установление общих закономерностей или географии размещения полезных ископаемых имеет большое практическое значение, так как помогает правильной организации поисково-разведочных работ, подсказывая не только, где надо искать руды металлов, но и какие именно металлы можно рассчитывать встретить на той или иной территории.

Вместе с суждениями об условиях образования отдельных месторождений или данными об их генезисе, учение о рудных месторождениях, опирающееся в своих выводах прежде всего на геологические исследования, создает научный фундамент, обеспечивающий планомерное расширение минеральносырьевой базы СССР

Вот почему в нашей стране с ее плановым социалистическим хозяйством получили такой большой размах геологосъемочные работы и научные исследования недр.

Кавказ — только отдельный участок той огромной площади нашей Родины, на которой широким фронтом производятся геологические исследования и разведочные работы, сторицей оправдывающие произведенные затраты и усилия громадного коллектива советских геологов и горняков.
